СЕРГѢЙ МАКОВСКІЙ

ВЕЧЕРЪ

ВТОРАЯ КНИГА СТИХОВЪ

(1918—1940)

ПАРИЖЪ

СЕРГѢЙ МАКОВСКІЙ

ВЕЧЕРЪ

ВТОРАЯ КНИГА СТИХОВЪ

(1918—1940)

ПАРИЖЪ

Посвящаю эту книгу моей матери.

Возлюбленная тишина...
Ломоносовъ.

Возлюбленная тишина,
вечернее очарованье,
видѣньями какого сна
свѣяно твое молчанье?

Въ прозрачномъ омутѣ небесъ
какіе призраки роятся,
прообразы какихъ чудесъ
тобой встревоженные снятся?

Печаль земного бытія,
благословеніе заката,
неизреченные края,
покинутые мной когда-то.

Слилось грядущее съ былымъ,
неизмѣримое съ ничтожнымъ,
и кажется пережитымъ
все, что казалось невозможнымъ...

ARS POETICA

Памяти Иннокентія Анненскаго.

I

Когда въ тебя толпой ворвутся
слова, которыхъ ты не звалъ,
и звуки дрёмные проснутся,
которыхъ ты не пробуждалъ;
когда на землю съ безучастьемъ
вдругъ взглянешь, и во тьмѣ души
повѣетъ холодомъ и счастьемъ
и вѣчностью, — тогда спѣши,
спѣши облечь мгновенный трепетъ
въ пылающія ризы словъ,
души внимай волшебный лепетъ,
журчанье тайныхъ родниковъ,
и пусть на зовъ творящей муки
отвѣтитъ лирная строфа,
словами вызывая звуки,
невоплотимые въ слова.

II

Сначала, невѣсть откуда,
не слова, а призраки словъ
позовутъ, и вѣяньемъ чуда
взволнуетъ невнятный зовъ.

Но образы брезжатъ смутно,
не умѣю выразить ихъ,
забудется болью минутной
едва озаренный стихъ.

Лишь послѣ долгой разлуки,
иногда черезъ годъ и два,
вдругъ той-же услышу я муки
забытыя мной слова.

Невольно за хоромъ темнымъ
унесешься въ канувшій бредъ,
по дебрямъ скитаешься дрёмнымъ,
утерянный ищешь слѣдъ.

За словомъ возникнетъ слово,
увлекая печаль назадъ,
душа возвращается снова
въ покинутый райскій садъ.

А тамъ на вѣтвяхъ, какъ звѣзды
нерожденныхъ еще міровъ,
мерцаютъ волшебные грозды
созвучныхъ печали словъ.

Парижъ, 1940.

III

Принять, какъ схимы чинъ, удѣлъ печали,
отречься суеты, презрѣть гордыню;
смиренью научась, благословляя дали,
отъ ближняго уйти въ свою пустыню;
почувствовать, что ты одинъ на свѣтѣ,
но говоришь устами всѣхъ живущихъ,
что позвала тебя мечта тысячелѣтій
и слышатъ призраки въ вѣкахъ грядущихъ;
заворожить себя самимъ собою,
ввѣряя стихъ размѣрности пѣвучей;
сопричастить весь міръ божественному строю
исторгнутыхъ изъ сердца тайнозвучій;
отъ звука къ слову и отъ слова къ звуку,
отъ мысли тайной къ тайнѣ воплощенья —
отдать всего себя за сладостную муку,
за горькое безумье вдохновенья.

Парижъ, 1940.

ПОЛДЕНЬ

Е. А. Жарновской

Пылаетъ небо надъ пустыней,
слѣпятъ полдневные лучи,
далеко — море, въ котловинѣ
бормочутъ горные ключи.
Туда, въ лѣсную тѣнь, по скаламъ
иду тропинкой не спѣша.
Какимъ-то счастьемъ небывалымъ
томится вѣщая душа.

Жукъ прожужжитъ иль свиснетъ птица,
или въ травѣ прошелеститъ, —
все, все земное будто снится
и вѣчность тайную сулитъ,
нездѣшней правдой сердце дышетъ,
и чутко замираетъ вдругъ
и въ каждомъ звукѣ слышитъ, слышитъ
неслышный уху, тайный звукъ.

О, мигъ прозрѣнія чудесный!
Преображается земля,
и дрёмой кажется небесной
непостижимость бытія,
всеозаряющимъ разсвѣтомъ
сіяетъ полдень надо мной,
и нѣтъ границы между свѣтомъ,
безсмертіемъ и тишиной.

Cannet, 1931.

*

Уходятъ года, невольно
подводишь итогъ судьбѣ.
Душѣ признаваться больно,
больнѣй — молчать о себѣ.

Уходятъ года, съ годами
прозрачнѣй она, свѣтлѣй,
и жаль не сказать словами
того, что таится въ ней.

На сердцѣ одна усталость,
но горько вѣкъ не дожить.
Такъ много вспомнить осталось,
такъ много надо забыть.

Женева, 1939.

*

Я пришелъ къ водораздѣлу:
всѣ тропы отнынѣ внизъ
къ заповѣдному предѣлу
    стремниной въ сумракъ разбрелись.

Впереди — пустая вѣчность,
непостижный путь земной.
Призрачная безконечность,
    все тотъ же морокъ и за мной.

Но свѣтла небесъ дорога
въ даль немыслимую, ввысь...
Духъ мой, созидатель Бога,
    въ свое безсмертье вознесись!

ВЕЧЕРЪ

Георгію Раевскому.

Все слезы къ старости, да сны воспоминанья,
душа утихшая — какъ озера вода
въ завороженный часъ, когда свое мерцанье
отдастъ ей нехотя вечерняя звѣзда.

День отсіялъ давно, ужъ ночи тѣни рѣютъ,
уплыли дымами далекіе луга,
былое ожило, и призраками вѣютъ
въ сонъ утонувшіе, слѣпые берега.

Все тише, все темнѣй... Но глубь воды зеркальной
угаснуть не спѣшитъ: въ лазури озерной,
покинувъ небеса, клубится островъ дальный
и озаряется послѣдней тишиной.

Парижъ, 1938.

★

Георгію Иванову.

Мою любовь, земное бремя,
всеисцѣляющее время
сожгло на медленныхъ кострахъ,
какой-то срокъ предѣльный дожитъ,
Теперь ничто ужъ не встревожитъ
любви испепеленной прахъ.

Воспоминаніе туманнѣй,
и каждый день обѣтованнѣй
въ душѣ хранительный покой,
и призракъ вѣчности лазурной —
какъ ангелъ надъ могильной урной
съ благословляющей рукой.

Парижъ, 1924.

Сергѣй Маковскій.

ЗОВЪ

Не о своей судьбѣ немилой,
не о себѣ моя печаль.
Я вспоминаю все, что было,
невозвратимаго мнѣ жаль...

Ахъ, этой грусти первородной
не умолкаетъ темный зовъ,
звучитъ, какъ благовѣстъ подводный
изъ потонувшихъ городовъ.

И знаю: душу къ мертвой дали
не тщетно призываетъ онъ,
не только сонъ моей печали —
минувшаго заклятый сонъ.

Пусть въ жизни времени земному
себя на гибель отдаю,
послушенъ я и здѣсь иному
неузнанному бытiю,

и то, что было или будетъ,
преображенный мой двойникъ
ужъ видитъ тамъ, гдѣ все пребудетъ
и вѣчностью предстанетъ мигъ.

Женева, 1939.

*

Стонетъ ночь, куда-то манитъ,
вся слезами исходя,
въ окна мелко барабанитъ
дробь осенняго дождя.

Стонетъ ночь о неизбывномъ,
нерушимомъ въ мірѣ злѣ,
о какомъ-то счастьѣ дивномъ,
недоступномъ на землѣ,

о далекомъ, безвозвратномъ,
бывшемъ гдѣ-то такъ давно,
что на языкѣ понятномъ
не разскажешь все равно.

Сердце маятное дремлетъ,
слушая родную жуть,
безысходнымъ слёзамъ внемлетъ,
не даетъ уснуть.

Парижъ, 1940.

СОБОРЪ

Кочуя по сводчатымъ хорамъ,
качается бронзовый звонъ.
Плывутъ сѣромраморнымъ боромъ
стволы полуколоннъ.

Дышу тишиною собора
и слушаю колокола.
Отъ строгости Божьяго взора
душа изнемогла.

Молюсь о любви чудотворной,
не помню ни злобы, ни зла.
Веригами вѣчности черной
гремятъ колокола.

Прага, 1922.

СОНЪ

Памяти Максимиліана Волошина.

Въ горахъ скалистыхъ, по землѣ
песчаной, солнцемъ обожженной,
бреду я въ предразсвѣтной мглѣ
и вдругъ, высоко на скалѣ,
остановился, пораженный.

Безлюдна древняя земля,
къ пустыннымъ далямъ кругозора
плывутъ кремнистыя поля.
Какъ острова изъ хрусталя,
въ туманѣ горныя озёра.

И разгорается востокъ,
свѣтлѣетъ небо понемногу,
ложатся тѣни на песокъ.
Надъ розовымъ холмомъ — дымокъ,
алтарь невѣдомому Богу.

Парижъ, 1930.

★

Дремлютъ древнія развалины,
плющъ повисъ надъ крутизной.
Мысли небомъ опечалены,
тишиной и глубиной.

Облаковъ пещеры дальныя
отражаются волной,
дышатъ омуты зеркальные
надо мной и подо мной.

А въ душѣ — видѣнье тайное,
небо вѣчности иной,
снится ей необычайное —
сонъ земной и неземной.

Прага, 1922.

ОТРАЖЕНІЯ

Гр. П. А Бобринскому.

О, міръ двоящійся, волшѐбство отраженій,
вечерней памяти благословенный ядъ,
часъ невозвратности и вѣчныхъ возвращеній,
въ водѣ зарей небесъ пылающій закатъ!

Двѣ глуби сонныя... Какой изъ нихъ повѣримъ?
Гдѣ загорѣлся лучъ непризрачной звѣзды?
Лазурь всевышнюю озёрный манитъ теремъ,
подводные лѣса — какъ райскіе сады.

И ближе, ближе ночь. Горѣть заря устанетъ,
растаютъ въ сумракѣ туманные холмы,
и дымный Серафимъ съ мечемъ на стражѣ станетъ
непостижимости, молчанія и тьмы...

Парижъ, 1938.

КАПИТЕЛЬ

Какъ тѣло у дѣвушки розовъ
обласканный солнцемъ паросъ.
Разбрелось по тропамъ откосовъ
бѣлорунное племя козъ.

Колонны обломокъ забытый,
свирели воркующій звукъ.
Когда-то алтарь Афродиты,
сегодня — пастушій лугъ.

Фіолетовый дождь глициній
застылъ надъ грудой камней,
на листьяхъ аканфа — синій,
колючій узоръ тѣней.

Да ящерица на припёкѣ
прошмыгнетъ и забьется въ щель.
Какъ вздохъ о богинѣ далекой —
коринфская капитель.

Прага, 1923.

LACRIMAE RERUM

Памяти кн. Сергѣя Волконскаго.

Покинутъ старый домъ, забытъ
отломокъ времени и славы.
Гербъ надъ рѣшеткой величавый
разросшимся плющемъ обвитъ.
Лѣпной потрескался карнизъ
и на-глухо забиты ставни,
и вѣетъ былью стародавней
осиротѣлый кипарисъ.

Въ аллеяхъ смутно, какъ во снѣ,
иду по грудамъ бурелома
и на скамьѣ у водоема
прислушиваюсь къ тишинѣ.
Заглохъ давно лѣсной родникъ,
его струей плескавшій мѣрно,
прямоугольная цистерна —
въ сѣтяхъ у цѣпкихъ повиликъ.

Сухіе прутья и стручки
устлали обнищалый мраморъ,
запаутиненныхъ караморъ
въ углахъ — пушистые пучки.
И тутъ же, брошенный въ кустахъ
садовой клумбы раззоренной, —
обрубокъ статуи: замшенный,
изглоданный дождями Вакхъ.

Зіяютъ впадины глазницъ
и скулы язвами изрыты,
весь почернѣлъ кумиръ забытый,
добыча прѣли и мокрицъ.
Но межъ кудрей еще цѣла
тугая гроздка винограда,
и хмѣль таинственной Эллады
въ припухлой нѣжности чела.

Какъ не узнать тебя, Женихъ,
веселій грозныхъ предводитель,
хоть брошена твоя обитель
и нѣтъ вокругъ менадъ твоихъ!
О, вѣщій тлѣнъ! Печаль хвощей,
струящихся изъ чаши Вакха,
журчанье Леты, слезы праха,
слѣпая жалоба вещей...

Въ аллеяхъ — призракъ каждый кустъ,
блуждаю долго, безпріютный,
и слушаю, какъ шопотъ смутный,
своихъ шаговъ по листьямъ хрустъ.
О, грусть! Ушедшій въ вѣчность день
и этотъ сонъ о мертвомъ богѣ,
пустынный домъ и на порогѣ
моя скитальческая тѣнь.

Прага, 1923.

ЮГЪ

В. А. Злобину.

Іюлемъ раскаленный югъ,
    пылающее море,
вдали — туманный полукругъ
    таврическихъ предгорій,
костёръ полуденныхъ небесъ,
    кипѣнье голубое,
цикады знойно-звонкій трескъ
    и шелесты прибоя,
да чайка: вскрикнетъ и нырнетъ,
    и, выгибая спины,
выплёскиваются изъ водъ
    веселые дельфины.

Симеизъ, 1919.

БІОТЪ

А. Н. Гиппіусъ.

Спитъ городокъ на холмикѣ крутомъ,
весь — будто съ заводной шкатулки.
Дерюгой пахнутъ, гарью и виномъ
ступенчатые переулки.

Надъ домомъ домъ, ныряютъ тупики,
какъ западни проходы глухи,
подъ сводами — желѣзные крюки
и въ окнахъ черныя старухи.

Часовня у разваленной стѣны
поникла въ непробудной дрёмѣ.
На перекресткѣ лепетъ тишины,
струя въ чугунномъ водоёмѣ.

Бѣжитъ-журчитъ, и брызги на чугунъ,
грядущій день — какъ день вчерашній.
И время, старенькій слѣпой горбунъ,
бьетъ въ колоколъ на башнѣ.

Біотъ, 1928.

СТРУЯ ВЪ ВОДОЕМѢ

Я въ землѣ родилась,
изъ земли поднялась,
мнѣ родимый отецъ
ледяной студенецъ,
темной глуби вѣрна,
я всегда холодна,
дни и ночи журчу,
тишиной бормочу.

Эта площадь вокругъ —
заколдованный кругъ,
эти стѣны — какъ сны
отъ моей тишины,
за годами года
заклинаетъ вода,
ворожитъ водоемъ
ключевымъ серебромъ.

Ни покоя, ни сна,
только звонъ чугуна,
ни друзья, ни враги —
только чьи-то шаги,
только чья-то рука
прикоснется слегка,
чей-то жаждущій ротъ
осторожно прильнетъ.

И бѣгу я, бѣгу,
отдохнуть не могу,
никогда не усну,
не вернусь въ глубину,
упокоивъ мою
студеную струю.
Я въ землѣ родилась,
изъ земли поднялась...

Біотъ, 1928.

*

Все въ мірѣ вѣчно и связано,
хоть смутно свѣтитъ звѣзда.
Всему дорога указана,
  только не знаемъ — куда.

Любовь коснется случайная,
иль чья-то жизнь позоветъ, —
молитва сбудется тайная,
  тайна любви не прейдетъ.

Одно движенье небрежное, —
судьба постучитъ въ окно,
и ты разбудилъ неизбѣжное:
  все навсегда рѣшено.

Парижъ, 1940.

Сергѣй Маковскій.

СТѢНА

М А. Форштетеру.

Въ окнѣ моемъ неровная стѣна
вечернимъ золотомъ озарена,
а снизу, со ступени на ступень,
по ней скользитъ, едва замѣтно, тѣнь.

Все выше, выше къ трубамъ дымовымъ,
все ближе къ небу этотъ синій дымъ,
еще немного — станетъ онъ мутнѣй,
поглотитъ стѣну и растаетъ съ ней.

И всматриваясь въ медленную тѣнь,
я чувствую, какъ умираетъ день,
какъ уплываетъ въ звѣздныя поля
усталая, вечерняя земля.

Парижъ, 1940.

НИЩІЙ

Въ городскомъ саду за рѣкой,
подъ каштанами, день-деньской
старый нищій сидѣлъ на пнѣ,
всякій разъ попадался мнѣ.

Всякій разъ прошедшей зимой,
черезъ садъ проходя домой,
десять су я совалъ ему
въ утѣшительную суму.

Онъ былъ очень убогъ и тощъ, —
на посту и въ холодъ и въ дождь,
какъ заморщенный сѣрый грибъ,
къ придорожной травѣ прилипъ.

Все о чемъ-то просилъ старикъ,
но въ его слова я не вникъ,
что-то шамкалъ беззубый ротъ,
да понять я не могъ весь годъ.

А недавно я мимо шелъ,
никого въ саду не нашелъ.
Только пень торчалъ сиротой
надъ примятой слегка травой.

И съ тѣхъ поръ, ужъ не первый день,
мнѣ мерещится этотъ пень,
а на сердцѣ комомъ тоска.
Видно — я любилъ старика.

Парижъ, 1940.

ШАРМАНКА

Е. А. Жарноской.

На темный перронъ полустанка,
подъ утро — ни свѣтъ, ни заря,
плетется хромая шарманка,
поетъ, надрывается зря.

Хоть голосъ у немощной звонокъ
и въ ней человѣчья душа,
никто изъ вагона спросонокъ
въ окошко не броситъ гроша.

Отвѣка законъ одинаковъ
на всѣхъ перепутьяхъ земли.
И старенькій вальсъ недоплакавъ,
умолкнетъ шарманка вдали.

Парижъ, 1940.

ПѢВИЦА

И. И. Жарновскому

Въ четвергъ подъ мое окно
приходитъ женщина пѣть.
Пусть ей-то ужъ все равно,
да жуть на нее смотрѣть.

Во взорѣ не то вопросъ,
не то, какъ ножемъ, печаль.
И грязная прядь волосъ
бахромкой сѣдой — на шаль.

А пѣсню поетъ она
такую — хоть плачь навзрыдъ,
всю душу мою до дна
призывной тоской пронзитъ.

Любого грѣха страшнѣй,
нельзя никому простить.
И хочется крикнуть ей:
Неправда, не можетъ быть!

Парижъ, 1940.

ЛУНА

На сосѣднюю крышу
я смотрю изъ окна,
ослѣпительно въ крышѣ
отразилась луна.
Изумруды, алмазы
весь усѣяли скатъ,
въ изумрудахъ, въ алмазахъ
черепицы горятъ.

Какъ безводный колодецъ —
этотъ нищенскій дворъ,
днемъ все сѣро въ колодцѣ:
люди, камни и соръ.
А сейчасъ! На часовню
онъ похожъ, у дверей —
какъ лампады въ часовнѣ
огоньки фонарей.

Ночь, угодница Бога,
луннымъ дымомъ кадитъ,
закоулокъ убогій
жемчугами кропитъ,
и надъ городомъ крылья
простираетъ окрестъ,
серебристыя крылья
озаренныхъ небесъ.

Парижъ, 1940.

СКАЗКА

П. А. Плетневу.

Умчи меня, мой демонъ, въ ту страну,
    гдѣ лучъ небесъ не угасаетъ
и вѣчную баюкаетъ весну,
гдѣ сонъ — какъ явь, и явь подобна сну.
    и солнце полночи сіяетъ.

Тамъ вольно дышетъ все, что никогда
    не смѣло быть въ подлунномъ мірѣ.
Тамъ каждый мигъ рождается звѣзда,
и возвращаются назадъ года,
    и всѣхъ морей просторы шире.

Тамъ въ заросли вѣщунъ-единорогъ,
    водой болотной плещутъ бѣсы,
тамъ карлики лѣсные съ ноготокъ,
и папоротникомъ цвѣтущій логъ,
    и въ башняхъ плѣнныя принцессы.

Тамъ въ океанѣ ласковая мель,
    гдѣ разговариваютъ волны,
и въ гавани изъ призрачныхъ земель
съ товарами приходятъ и досель
    Синдбада расписные челны.

Тамъ — родина моя, волшебный градъ,
    гдѣ мудрыя владычатъ феи,
и за семью замками сторожатъ
сто рыцарей заговоренный кладъ,
    кольцо съ мизинца Дульцинеи.

Прага, 1922.

ВЕНЕЦІЯ

В. В. Голубеву.

I

Лѣнивый плёскъ, серебряная тишь,
дома — какъ сны, и отражаютъ воды
повисшіе надъ ними переходы
и вырѣзы остроконечныхъ нишъ.

И кажется, что это длится годы...
Скользитъ луна по черепицамъ крышъ.
И гдѣ-то пѣснь. И водяная мышь
шмыгнетъ въ нору подъ мраморные своды.

У пристани завѣтной, не спѣша,
въ кольцо я продѣваю цѣпь. Гондола
покачиваясь дремлетъ. Чуть дыша
прислушиваюсь: вотъ, какъ вздохъ Эола,
прошелеститъ издалека віола...
И въ ожиданье падаетъ душа.

II

Всю ночь — о, бредъ! — въ серебролунныхъ залахъ
Венеціи я ворожу, колдунъ,
и вѣютъ мглой отравленныхъ лагунъ
дворцы ея въ рѣшетчатыхъ забралахъ.

Всю ночь внимаю звукъ шаговъ усталыхъ,
въ колодцахъ улицъ камни — какъ чугунъ,
и головы отрубленныя лунъ
всплываютъ вдругъ внизу, въ пустыхъ каналахъ.

Иду, шатаясь, нелюдимъ и дикъ,
упорной думой растравляю рану
и заклинаю блѣдную Діану,
а по стѣнамъ, подобенъ великану,
плащемъ крылатымъ затмевая ликъ,
за мною слѣдомъ лунный мой двойникъ.

Прага, 1923.

ЛУННЫЙ ВОДОЕМЪ

I

Огонь потухъ, и пусть — оставь заботу,
пусть лунные лучи изъ-за гардинъ
угасятъ лакъ докучливый картинъ
и мебели сѣдую позолоту.

Такъ, день за днемъ — о, сколько разъ, безъ счету! —
здѣсь у камина я сидѣлъ одинъ
и, догорая, наводилъ каминъ
на одиночество мое дремоту.

Донгъ-донгъ! Часы двѣнадцать бьютъ въ углу.
Смотрю сквозь сонъ на мертвую золу,
сквозь сонъ дремучему внимаю басу...
Звонъ, равнодушный звонъ къ добру и злу,
что шепчешь ты полуночному часу?
Затихъ, умолкъ... Я вышелъ на терассу.

II

Сіяла ночь, тонулъ увядшій садъ
въ мерцающихъ прозрачноструйныхъ дымахъ,
эллизіумъ аллей неисчислимыхъ
просвѣчивалъ сквозь кружево аркадъ.

Я долго шелъ вдоль стриженыхъ оградъ,
тревожа сонъ цвѣтовъ моихъ любимыхъ...
Вотъ и бассейнъ: на водахъ недвижимыхъ
застыли лебеди у баллюстрадъ.

Какъ въ зеркалѣ, садовая руина
и буксы четко отразились въ немъ,
шиповникомъ заросшая куртина,
скамья и статуи богинь кругомъ.
Изъ пасти у чугуннаго дельфина
струя, искрясь, бѣжáла въ водоёмъ.

III

Я наклонилъ лицо надъ водоёмомъ,
въ мои глаза взглянула глубина
прохладныхъ водъ. Огромная луна
плыла внизу на небѣ незнакомомъ.

О, какъ влекла зеркальная страна
въ нѣмую глубь, къ незнаемымъ истомамъ,
туда, туда, гдѣ отдаваясь дрёмамъ,
волшебствовала фея Тишина.

И по тропамъ ея державы фейной
я уходилъ изъ сумрака аллей,
прислушиваясь къ ней благоговѣйно,
и все таинственнѣй сливались съ ней
струи журчаніе и мгла тѣней
и блескъ луны на мраморѣ бассейна...

Прага. 1922.

ПРИЗРАКИ

З. Н. Гиппіусъ

Бойся призраковъ — не тѣхъ, не тѣхъ
блудныхъ духовъ преисподней,
искупающихъ великій грѣхъ
въ вѣчности Господней.

Берегись другихъ тѣней, тѣней
изъ страны когда-то милой,
сердцу, не забывшему о ней,
тѣни скажутъ: было.

Въ часъ раскаянной тоски, тоски
суженой тебѣ судьбою,
двинутся туманные полки,
уведутъ съ собою.

Въ омуты свои — назадъ, назадъ
путь душѣ они укажутъ,
мертвою водою окропятъ,
саванами свяжутъ.

Бойся памяти больной, больной
грусти о давно любимомъ,
о любви развѣянной давно
на могилахъ — дымомъ.

Парижъ, 1926.

Сергѣй Маковскій.

ОТЧІЙ ДОМЪ

Я вернулся въ отчій домъ,
о минувшемъ не жалѣя, —
стынетъ подъ косымъ дождемъ
вырубленная аллея.

Жду, переступивъ порогъ:
не узнать сѣней знакомыхъ,
продырявленъ потолокъ,
пахнетъ завалью въ хоромахъ.

Въ комнату къ себѣ, скорѣй!
Жалко скрипнули ступени,
притаилась у дверей
жуть постылыхъ привидѣній.

Точно пугала, кресты
трубъ чугунныхъ — въ окна, съ крыши.
Никого! Изъ пустоты
пискъ голодной мыши.

Парижъ, 1938.

ТѢНЬ

Ты приходишь усталой тѣнью,
посылаетъ тебя могила,
отдана моему томленью,
застываешь въ дверяхъ уныло.

Ты блѣднѣе теперь намного,
и въ глазахъ — синева тумана,
у пробора надъ бровью строгой
запеклась небольшая рана.

Ничего у меня не просишь,
за вину не грозишь расплатой,
только холодъ съ собой приносишь,
какъ дыханье страны заклятой.

Только душу мою глубоко
проникаешь пустыннымъ взоромъ, —
безнадежностью вѣешь рока,
леденишь неземнымъ укоромъ.

Я повѣрить хочу въ прощенье,
Отче Нашъ бормочу святое,
я не вѣрю завѣту мщенья,
вспоминая тебя живою.

Но ты связана вышней силой,
не вольна преступить запрета:
возвращенная мнѣ могилой,
уходишь, не давъ отвѣта.

Парижъ, 1940.

ЛИКЪ

Памяти Иннокентія Анненскаго.

Что говоришь, таинственный, о чемъ
пророчишь ледянымъ молчаньемъ?
И свѣтишься какимъ лучемъ,
какимъ обѣтованьемъ?

Куда отъ насъ восхитился твой духъ,
смеживъ тебѣ земныя вѣки?
Иль, какъ свѣча, сгорѣлъ, потухъ,
исчезъ совсѣмъ, вовѣки?

И если нѣтъ, все-ли забылъ онъ днесь
о жизни — тамъ, въ селеньяхъ рая?
Иль помня все, что было здѣсь,
лишь дремлетъ, вспоминая?

Внимаетъ-ли, прощенный, небесамъ,
дивясь цвѣтамъ луговъ надзвѣздныхъ?
Или возмездья ужасъ — тамъ,
въ неосіянныхъ безднахъ?

Прага, 1922.

КУМА

Какъ быть съ тобой, убогая кликуша?
Все маешься и голосишь больнѣй,
часъ-отъ-часу взываютъ вопли глуше
изъ темноты и нищеты твоей.

И то сказать, подъ кровлею дырявой
тѣсна, грязна постылая изба,
а ключъ отъ двери со скобою ржавой
кривой кумѣ подкинула судьба.

Но не зови ее... Мольбою тщетной
не досаждай до времени кумѣ,
найти не пробуй лазеи запретной,
о волѣ заклятой не плачь во тьмѣ.

Брось, старая! Сиротскую награду
и ждать ужъ нёдолго. Кума придетъ, —
обмоетъ, обрядитъ, зажжетъ лампаду
и въ дверь, на волю, не спросясь, толкнетъ.

Женева, 1939.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Моему сыну Ивану.

Спи, сынокъ! Земля заснула,
въ небѣ звѣздномъ утонула,
вѣтромъ ночи колыхнуло
занавѣси у окна.
Баю-бай! Не бойся ночи,
тайну райскую пророчитъ,
разсказать о смерти хочетъ
безконечность-тишина.

Спи, сынокъ, пока несмѣло
надъ твоею зыбкой бѣлой,
головою посѣдѣлой
наклоняясь, бормочу.
Рано-ль, поздно-ль — не минуетъ,
сонъ послѣдній поцѣлуетъ,
вѣтеръ вѣчности задуетъ
чудотворную свѣчу.

Спи, мой первенецъ любимый!
Снами вышними хранимы,
ласковые херувимы
шепчутъ пѣсню... Не тебѣ-ль ?
Только Богъ про это знаетъ,
Онъ одинъ не отдыхаетъ,
надъ пучиною качаетъ
огненную колыбель.

Спи, сынокъ! Земля заснула,
въ небѣ звѣздномъ утонула,
привидѣньями дохнула
безконечность-тишина.
Спи! Все — сонъ: людская злоба,
адъ и рай за гранью гроба,
и съ тобой мы оба, оба —
только тѣни, тѣни сна.

Симеизъ, 1918.

РОЖДЕСТВО

Памяти Владислава Ходасевича.

Звѣзда надъ стогнами
Вифлеема,
Неизреченный
сіяетъ свѣтъ.
У яслей Господа
вмѣстѣ всѣ мы,
и только сонъ —
двѣ тысячи лѣтъ.

Ахъ, развѣ не мы
съ дарами Богу
тропою звѣздной
въ пустынѣ шли?
Не намъ-ли Онъ
указалъ дорогу
въ вертепъ убогій
древней земли?

Волхвы таинственной
Ниневіи
и пастухи
библейскихъ долинъ,
мы предстояли
Дѣвѣ Маріи,
когда родился
предвѣчный Сынъ.

У яслей Господа
вмѣстѣ всѣ мы —
слѣпыя искры
Его огня.
Звѣзда надъ стогнами
Вифлеема,
обѣтованье
Божьяго дня.

Парижъ, 1927.

ВОСМИСТИШІЯ

1

Слова, слова... Но ни одно
излиться сердцу не поможетъ.
Признаній, звуковъ — такъ полно,
что ничего сказать не можетъ.

И душно, какъ передъ грозой,
но вдохновенье все безмолвнѣй, —
томитъ и жжетъ звенящей мглой:
изъ этой мглы ни слезъ, ни молній.

Cannet, 1928.

2

Въ часы наитія не думай,
что краток озаренный мигъ:
подчасъ дается долгой думой
нечеловѣческій языкъ.

Ищи, — смиренно и сурово
свой тихій подвигъ возлюбя,
найди единственное слово,
отвѣтственное для тебя.

Женева, 1939.

3

Только небо узрятъ очи,
только день забрезжитъ твой,
ужъ витаютъ тѣни ночи
надъ поникшей головой.

Вѣщій Гамаюнъ проплачетъ,
и конецъ, конецъ судьбѣ...
А подумать: только начатъ
путь, назначенный тебѣ.

Парижъ, 1939.

4

Когда проходитъ жизнь, когда прошла,
и цѣли нѣтъ, и нѣтъ возврата, —
какъ старый сычъ, изъ своего дупла
жди сумеречнаго заката.

Очами дневными нельзя постичь,
во мракѣ зорче видятъ очи.
Угаснувшаго дня вотще не кличь,
дождись всеозаренья ночи!

Парижъ, 1940.

5

Опять на солнечной вершинѣ
таинственно сомкнулся кругъ, —
ни встрѣчъ разлучливыхъ отнынѣ,
ни связывающихъ разлукъ.

Опять, на старость глядя, юный,
одинъ отшельникомъ живу,
разгадываю сердца руны
и вижу сказки наяву...

Парижъ, 1923.

6

Солнце, солнце, звоны тишины!
Голову апрѣльскій воздухъ кружитъ.
Запахъ вѣтра, голубыя лужи,
трепетъ разслабляющій весны.

Талый снѣгъ бурливые ручьи
заплели въ узоры на полянахъ,
плавится въ дымящихся туманахъ
розовое золото земли.

Прага, 1921.

7

Любовь, балуя напослѣдокъ,
опять навѣдалась ко мнѣ.
Вкусъ любви все такъ же ѣдокъ,
нѣтъ воды въ ея винѣ.

Причастье страстное все то же,
и такъ же чаша глубока,
счастье на тоску похоже,
счастьемъ кажется тоска.

Женева, 1939.

Сергѣй Маковскій.

СКЕЛЕ

Былъ пасмурный Февраль. Всходила чуть трава,
бѣлѣли въ поросляхъ подснѣжники лѣсные,
пустынный вечеръ гасъ и золотилъ едва
крутые скаты горъ и тучи дождевыя.

Мѣстами на камняхъ весенній таялъ ледъ,
и было холодно. Шумѣлъ потокъ въ ущельѣ.
Измученный тщетой томительныхъ невзгодъ,
не радуясь веснѣ, я брелъ на новоселье.

Куда? Не все-ль равно! Я шелъ впередъ, впередъ,
къ мѣшку дорожному пріучивая спину,
туда, гдѣ не было южнобережныхъ водъ,
черезъ Шайтанъ-Мердвенъ въ Байдарскую долину.

Безъ цѣли, наугадъ. Скорѣй, куда нибудь!
Дубы корявые, ободранные буки,
какъ злые нищіе, мнѣ преграждали путь,
шипы кустарниковъ кололи больно руки.

Все выше между скалъ вилась моя тропа.
Вотъ — перевалъ, и внизъ кремнистая дорога,
и снова хилый лѣсъ и камни и толпа
корягъ обугленныхъ, чернѣвшихъ такъ убого...

И вдругъ, — о, волшебство! — передо мной просторъ,
согрѣтый ласковымъ, лучисто-нѣжнымъ югомъ,
и въ золотѣ зари чуть видимый узоръ
холмовъ, раскинутыхъ широкимъ полукругомъ.

Я ахнулъ... Никогда, нѣтъ — никогда во снѣ
мнѣ міръ не грезился чудеснѣй и безбрежнѣй,
и Божья красота не улыбалась мнѣ
спокойнѣе, добрѣй, блаженнѣй, безмятежнѣй!

Прохладная изба. Изъ оконъ вдовій дворъ, —
колодезь, клумбы розъ, табачные сараи,
сосѣдокъ за стѣной нерусскій разговоръ,
индюшекъ и гусей звонкоголосыхъ стаи...

Мнѣ все отрадно здѣсь, милѣй день-ото-дня:
аладьи на обѣдъ и къ ужину султанка,
и эта пасѣка у ветхаго плетня,
и хлопотливая хозяюшка-гречанка,

ея разсказъ о томъ, какъ нынче трудно ей
управиться одной съ работой деревенской,
и выводокъ ея подростковъ-дочерей,
смущающихъ меня задумчивостью женской...

Страдòю полонъ день. Съ утра и младъ и старъ
въ чаирахъ боронитъ и поливаетъ гряды.
Не умолкаетъ скрипъ нагруженныхъ мажаръ,
свершаются труды, какъ тихіе обряды.

Не налюбуешься! Въ окрестности брожу, —
всѣ тропы исходилъ... Въ Узунджѣ и Саваткѣ
друзей моихъ, татаръ, я навѣщать хожу:
люблю наряды ихъ и гордыя повадки,

неторопливый плясъ на свадебныхъ пирахъ,
и вѣрность древнюю гостепріимства праву,
«селямы» важные, и въ саклѣ, на коврахъ,
степенный разговоръ и кофій по уставу.

Настанетъ вечеръ. Тишь. Кузнечикъ засверлитъ,
у завитыхъ плетней — играющія дѣти.
Мазинъ задумчивый на минаретъ спѣшитъ,
и молча старики присѣли у мечети.

Отчетливо звенятъ гортанныя слова
въ вечернемъ воздухѣ, протяжныя какъ стоны.
Имъ вторитъ иногда, вдали, едва-едва
церковный колоколъ. И вмѣстѣ плачутъ звоны.

Все ниже солнце... Вотъ въ огнѣ его луча
холмовъ песчаные порозовѣли склоны
и гаснутъ. Въ сумеркахъ, отрывисто мыча,
понурые волы бредутъ въ свои загоны.

И дружною толпой, окончивъ страдный день
въ окрестныхъ табакахъ, работницы-хохлушки
пройдутъ по зеленямъ и, проплывая въ тѣнь,
затянутъ вольныя, знакомыя частушки.

И Русью вдругъ пахнетъ, и сердце защемитъ.
Уйти бы вдаль, туда, въ поля мои родныя,
гдѣ не избыть ни слезъ кровавыхъ, ни обидъ...
О, родина, прости! Воскреснешь-ли, Россiя?

Весна давно прошла. Отпѣли соловьи,
кукушка за рѣкой и та откуковала,
повылетали пчелъ мятежные рои,
и буйной зеленью долина заиграла.

Короче солнца путь и жарче лѣтнiй прахъ,
ужъ высохли ручьи на днѣ ущелiй сирыхъ,
черешня дикая поспѣла на горахъ,
и яблони цвѣли и отцвѣли въ чаирахъ.

Какъ скоро! Поглядишь: румянятся плоды
и пухнетъ помидоръ въ сосѣднемъ огородѣ,
желтѣютъ пажити, огромныя скирды
насупились въ поляхъ. Ужъ лѣто на исходѣ!

Но такъ же все горятъ и нѣжатъ небеса,
и рано-порану туманы горъ колдуютъ,
и по краямъ ложбинъ кудрявятся лѣса,
и въ рощахъ горлицы безъ устали воркуютъ.

Все той-же музыки мечтательной полна
краса осенняя твоихъ угодій, Скеле, —
и утра благовѣстъ, и ночи тишина,
и звоны полудня, и вечера свирели...

Скеле у Байдаръ, 1919.

ГОДЪ ВЪ УСАДЬБѢ

Посвящаю Маринѣ

ПОСВЯЩЕНІЕ

Я не жилъ тамъ, жила моя мечта,
назвавъ Тебя царевной сѣроокой,
надъ озеромъ, гдѣ шепчется съ осокой
шершавый листъ ольховаго куста.

У водъ его сироткой одинокой
Ты выросла. И въ пѣснѣ сказка та,
что снится мнѣ, какъ будто заклята
твоей тоской по юности далекой.

Ты разсказать умѣла, какъ никто,
я рифмовалъ, записывая смѣло.
Въ моемъ стихѣ воспоминанье пѣло,
невольнымъ вымысломъ перевито.
И муза съ жалостью на насъ глядѣла
когда подчасъ ей слышалось: не то...

ІЮНЬ

Слѣпительно пригожъ іюньскій день.
Цвѣтутъ луга, медвяно пахнутъ травы.
На берегу прошелестятъ дубравы,
чуть зыблется березовая тѣнь.

О, благодать! О, вѣковая лѣнь!
Овесъ да рожь, да сонныя канавы.
Вдали-вдали соборъ золотоглавый
и бѣлые дымки отъ деревень.

Не думать, не желать... Лежать-бы сонно,
внимая шелесту родныхъ дубравъ
среди густыхъ, прогрѣтыхъ солнцемъ травъ,
и, вышинѣ и синевѣ бездонной
довѣрчиво всего себя отдавъ,
уйти, не быть... Безсмертно, упоенно!

ІЮЛЬ

Туманно озеро, и тянутъ утки
надъ порослью болотъ береговой.
Я вышелъ въ паркъ тропинкой луговой:
здѣсь тоже сѣнокосъ, вторыя сутки.

Бредутъ косцы вразбродъ. Веселье, шутки,
и бѣдные ложатся подъ косой,
обрызганы вечернею росой,
и колокольчики, и незабудки.

Ромашка, волчій зубъ, дрема̀ и сонъ,
фіалки бѣлыя и синій ленъ...
Мнѣ жаль цвѣтовъ, загубленныхъ такъ рано.
Собравъ большой пучекъ, въ цвѣты влюбленъ,
спѣшу домой отъ вражескаго стана.
А небеса горятъ, горятъ багряно.

АВГУСТЪ

Спадаетъ зной, хоть и слѣпятъ лучи.
Дожали рожь, и обнажились нивы.
Гулъ молотьбы въ деревнѣ хлопотливый,
на пажити слетаются грачи.

Люблю тебя, мой Августъ, не взыщи! —
твоихъ плодовъ душистые наливы,
въ лѣсу березъ и тополей завивы
и розсыпи падучихъ звѣздъ въ ночи.

Люблю тебя, радушный, тароватый,
съ охотами, съ ауканьемъ, съ груздемъ.
Люблю зайти далеко въ боръ косматый,
въ грозу и бурю мокнуть подъ дождемъ.
Не налюбуюсь на твои закаты,
повѣявшіе раннимъ Сентябремъ.

СЕНТЯБРЬ

Ужъ первой ржавчины предательскія пятна
смѣнились золотомъ и пурпуромъ въ листвѣ.
Большія облака плывутъ по синевѣ,
и тѣни ихъ скользятъ, мѣняясь непонятно.

Повѣетъ холодокъ, подъ утро ледъ во рвѣ.
Озимыя поля чернѣютъ благодатно.
Вдоль придорóжныхъ межъ цвѣтутъ безароматно
послѣдніе цвѣты въ нескошеной травѣ.

Гвоздика липкая пестритъ еще долины
и верескъ розовый все медлитъ отцвѣсти.
Въ прозрачномъ воздухѣ тончайшей паутины
повисли и дрожатъ чуть видные пути.
Съ небесъ прощальный крикъ несется журавлиный.
О, лѣто милое, осеннее, прости!

ОКТЯБРЬ

Осиротѣлъ бассейнъ. Давно-ли дружно
въ немъ отражались купы старыхъ липъ,
и блескъ игралъ золотопёрыхъ рыбъ,
и лепеталъ фонтанъ струей жемчужной.

Теперь онъ пустъ, теперь его не нужно.
Въ аллеяхъ сирыхъ только вѣтра всхлипъ,
совиный крикъ, дуплистыхъ вязовъ скрипъ,
да ты, моя печаль по дали южной!

Примолкла жизнь. Далече племена
болтливыхъ птицъ. Кроты заснули въ норахъ.
Лишь воронье: кра-кра! И тишина.
Куда не глянь — пожухлыхъ листьевъ ворохъ.
Безлюдье, грусть, сухой предзимнiй шорохъ
и первыхъ заморозковъ сѣдина.

НОЯБРЬ

Пошелъ снѣжокъ, запорошило путь.
Въ саняхъ — бѣда, а не берутъ колеса,
того гляди, раскатишься съ откоса.
Да милостивъ Господь, ужъ какъ нибудь!

Въ усадьбѣ отъ заботъ всѣ смотрятъ косо.
Зима не ждетъ, и людямъ не дохнуть:
капусту рубятъ, мерзлую чуть-чуть,
валяютъ шерсть, просѣиваютъ просо.

Мелькаютъ дни въ трудахъ по пустякамъ,
а сумерки спѣшатъ туманно-сизы.
Взойдетъ луна, въ серебряныя ризы
одѣнетъ садъ и тронетъ, по стѣнамъ
диванной, завитки старинныхъ рамъ,
рояль въ углу, паркеты и карнизы.

ДЕКАБРЬ

Сегодня Рождество, сегодня ёлка,
сегодня въ дѣтской съ самаго утра
такой содомъ — шумъ, бѣготня, игра,
что сбилась набокъ нянина наколка.

А подъ-вечеръ столпилась дѣтвора
и сказки слушаетъ про сѣра-волка.
Но передъ сномъ не жди отъ сказокъ толка,
я тороплю ребятъ: Брысь! Спать пора.

Не тутъ-то было. Сказку, — молятъ слёзно, —
еще одну, пожалуйста, одну.
Нѣтъ, дѣти, спать! — я повторяю грозно.
И въ теплую, живую тишину
все утонуло... Входитъ няня. — Ну?
Что дѣти? — Спятъ. И полночь бьетъ. Какъ поздно...

Сергѣй Маковскій.

ЯНВАРЬ

Бѣло̂-бѣло̂, все снѣгомъ замело,
блестятъ алмазами поля-пустыни.
Бѣло-бѣло, а куполъ яркосиній.
Посмотришь въ садъ сквозь мерзлое стекло,

и не узнать: тамъ чудо расцвѣло,
пушистымъ кружевомъ заплелся иней...
Ужъ поданъ чай. Дрова трещатъ въ каминѣ.
Котъ жмурится. Свѣтло, тепло, жило.

Мальчишки на дворѣ слѣпили турка,
пыль отъ снѣжковъ столбомъ и смѣхъ до слёзъ.
Слышь, вы! Не холодно? — Что за вопросъ!
А въ сказочномъ бору сигаетъ юрко
косой бѣлякъ, и бродитъ Дѣдъ-Морозъ.
И о веснѣ задумалась Снѣгурка.

ФЕВРАЛЬ

Взметаетъ, громоздитъ, взъерошиваетъ снѣгъ,
разбушевалась — ухъ! — крутитъ ночная вьюга,
нахмуренной зимы бездомная подруга.
И чудится, метель не прекратится вѣкъ.

Въ угрюмыхъ пустыряхъ, надъ гладью бѣлыхъ рѣкъ
снуетъ голодный волкъ и, торопя другъ друга,
не зная выхода изъ заклятаго круга,
храпитъ усталый конь и стынетъ человѣкъ.

Какъ души грѣшныя надъ братскою могилой,
въ пушистыхъ саванахъ взметнулись сосны вдругъ.
Скорѣй-бы огонекъ! Да нѣтъ, все уже кругъ,
бушуетъ вѣтеръ злѣй и буйной хлещетъ силой.
Самъ лѣшій кружитъ тутъ. И въ заросли: тукъ-тукъ...
Остановился конь. О, Господи помилуй!

МАРТЪ

На мартовскомъ снѣгу — еще хрустящій настъ,
а съ крышъ веселыя забрызгали капели
и шапки бѣлыя въ саду стряхнули ели.
Воркуетъ голубь, смѣлъ, нахохленъ и грудастъ.

Весна! Пасхальный звонъ въ ея волшебномъ хмѣлѣ.
Не рано-ль? Но мечтать кто въ Мартѣ не гораздъ?
И воздухъ млѣющій такимъ тепломъ обдастъ,
что слышишь, какъ поютъ весеннія свирѣли.

Въ лугахъ подтаявшихъ пузырятся ручьи,
и тронулись пушкомъ чуть розовымъ рябины.
Какъ смоль, упавшія чернѣютъ хворостины.
Чиви-чиви-чиви, — стрекочутъ воробьи.
Крестьяне на̀-гору изъ синей полыньи
везутъ прозрачныя и голубыя льдины.

АПРѢЛЬ

Набухли почки вербъ и перелѣски
въ проталинахъ давнымъ-давно цвѣтутъ.
Озябшихъ травъ подснѣжный изумрудъ
и неба синь такъ вдохновенно-рѣзки!

Теплѣетъ солнце, гуще занавѣски
отмерзшихъ рощъ. И лютикъ тутъ-какъ-тутъ,
а надъ черемухой — пчелиный гудъ,
и вьется жаворонокъ въ горнемъ блескѣ.

День цѣлый птичій гамъ. Ужъ возлѣ гнѣздъ
щеглы, чижи, малиновки запѣли.
Щебечутъ ласточки, скворецъ и дроздъ
трещатъ. И соловьи при свѣтѣ звѣздъ,
неискушенные еще въ Апрѣлѣ,
порою невпопадъ заводятъ трели.

МАЙ

Я былъ на кладбищѣ. И тамъ — весна:
ирисъ, жасминъ, сирени бѣлой дымы,
и ландышемъ (цвѣтокъ ея любимый)
могила вешняя окружена.

Стрекозы легкія носились мимо,
и золотомъ звенѣла тишина...
Здѣсь, подъ крестомъ берестовымъ она
уснула навсегда, непостижимо.

Я помню все. Но Ты, забыла-ль Ты,
неотданная мнѣ ревнивымъ раемъ,
любовь и грусть мою и тѣ мечты,
которыя цвѣли когда-то Маемъ?
И шепотомъ отвѣтили цвѣты:
Мы любимъ, оттого что умираемъ.

ПОСЛѢСЛОВІЕ

Все призрачно въ туманной дали дней,
но, Боже мой, какъ прожитое явно!
И быль, и сонъ, давно и такъ недавно.
Тѣмъ сладостнѣе вспомнить и больнѣй.

О, какъ жива моя тоска по ней,
еще вчера и близкой и державной,
и вотъ — чужой, безрадостной, безправной,
уныло тонущей въ крови своей.

Россія, Русь! Тебѣ-ли гибель злая
судьбой немилостивой суждена?
Или стоишь у вратъ, еще не зная?
Тяжка предъ Господомъ твоя вина, —
слѣпая, страшная, полуживая,
и все-жъ любимая, навѣкъ одна.

Прага, 1920.

НАГАРЭЛЬ

Памяти Н. С. Гумилева.

I

Нѣтъ, больше, сударь! Шестьдесятъ четыре.
Ужъ двадцать два — на Флорѣ капитанъ,
а раньше: Грекъ, Меркурій, Океанъ...
Да, старость не на радость въ Божьемъ мірѣ.

Удушье, знобь, не голова — чурбанъ.
Ногами тоже плохъ, со сна — что̀ гири.
Немудрено. По кругосвѣтной шири
намаешься въ ненастье и туманъ.

Зато и пожилъ. Sacramente... спо̀ро.
Гдѣ не бывалъ, что̀ пѣсенъ да вина.
А женщины! Послушай, старина...
Но крѣпче всѣхъ запомнилась одна:
плясунья изъ тавернъ Санъ-Сальвадора,
креолка, Нагарэль, дочь матадора.

II

Извольте, разскажу. Хоть забулдыга,
повѣрьте на-слово, не вралъ досель.
Что было, сударь, было. Нагарэль...
Оглянешься, и память — словно книга.

Ну-съ, въ ту пору ужъ нѣсколько недѣль,
у Бахіи, на палубѣ Родрига,
испанскаго сторожевого брига,
я проклиналъ тропическій Апрѣль.

Зной, ливень, штиль. По вечерамъ изъ порта —
и музыка, и пѣсни. Какъ дуракъ,
ночь напролетъ стоишь, стоишь у борта,
въ умѣ прикидываешь такъ и сякъ,
и отпуска, бывало, ждешь до чорта.
Однажды утромъ... Чокнемся, землякъ!

III

Однажды: Юнга, — слышу голосъ, — въ рубку!
Бѣгу. А капитанъ (старикъ, добрякъ
и пьяница, — да трезвый не морякъ)
глядитъ хитро, пожевываетъ трубку.

Что-жъ, твой черёдъ, — и показалъ на шлюпку.
Весь день въ порту, изъ кабака въ кабакъ,
брожу съ матросами, курю табакъ
и вздрагиваю, какъ завижу юбку.

Тогда-же подъ-вечеръ въ тавернѣ «Кротъ»
и встрѣтились... Ну, подмигнулъ украдкой.
Пришла, подсѣла, чернымъ глазомъ жжетъ.
Молчитъ... И вдругъ, змѣя, прильнула сладко
и на тебѣ! — поцѣловала въ ротъ.
Такъ началось. А кончилось... не гладко.

IV

Да, началось. На долгую бѣду.
Не ѣмъ, не сплю. Болтаюсь день безъ толку,
а ночь — скорѣй на бакъ: залѣзу въ щелку
и притаюсь, да за̀-бортъ. Какъ въ бреду.

Плыву, ныряя чайкой, на гряду
отлогихъ дамбъ, къ рыбачьему посёлку,
и тамъ на отмели мою креолку
между сѣтей и старыхъ тряпокъ жду.

Частенько не придетъ. Плывешь обратно,
и Божій міръ не милъ. А невдомекъ,
что дѣвка-то, поди, куда развратна,
въ тавернахъ ночь прогуливаетъ знатно...
Эхъ, сударь, молодость! Жилъ паренекъ,
да наскочи, какъ рыба, на крючекъ.

V

Влюбился — смерть! Красавица? Нимало.
Жердинка смуглая, пятнадцать лѣтъ.
Но взоръ, повадка, бровь угломъ... Да нѣтъ,
въ словахъ не то. Ну, — бѣсъ. А ужъ плясала!

Сорвется — вихрь, запляшетъ бѣлый свѣтъ.
Плыветъ, горитъ. Вотъ кружится, вотъ стала
и прыгъ на столъ: и каблучкомъ удало
отстукиваетъ трели кастеньетъ.

А то раздѣта, бубенъ, — ишь сноровка,
танцуетъ голая. И грѣхъ, и стыдъ,
какой любви мужчинамъ не сулитъ!
Вся выгнется и грудью шевелитъ
и бедрами поводитъ этакъ ловко.
Дурная, сударь, истинно чертовка.

VI

Нашъ парусникъ грузился понемногу,
когда задулъ попутный намъ Зюдвестъ,
и капитанъ рѣшилъ: немедля въ Брестъ.
Для храбрости глотнувъ маленько грогу,

простился я. Она сняла свой крестъ
и мнѣ надѣла съ клятвой на дорогу.
А я клялся — себѣ и ей и Богу —
вернуться черезъ годъ изъ дальныхъ мѣстъ.

Разбойничьей послушные примѣтѣ,
мы снялись въ ночь. И вотъ ужъ на разсвѣтѣ
(съ брамъ-реи вдаль глядѣлъ я) смутнымъ сномъ
казался портъ въ туманѣ золотомъ,
а тамъ — и отмель, и рыбачьи сѣти,
и словно кто-то машущій платкомъ.

VII

И что-же? Ровно черезъ годъ, въ Іюнѣ,
до одури любви изведавъ плѣнъ,
я бросилъ бригъ у гибралтарскихъ стѣнъ
и къ Бахію приплылъ-таки, на шхунѣ.

Да, молодость, — чего не дашь взамѣнъ.
Какъ я былъ гордъ и счастливъ наканунѣ!
А за годъ-то въ моей морской фортунѣ
произошло довольно перемѣнъ.

И денегъ прикопилъ, и сталъ матросомъ, —
не юнга, чай, — большимъ, густоволосымъ
(мнѣ было прозвище «Кудрявый гусь»)
и, кажется, не слишкомъ тонконосымъ.
Я такъ мечталъ: посватаюсь, женюсь
и фермой гдѣ-нибудь обзаведусь.

VIII

Знакомыя мѣста! Живымъ манеромъ —
къ отцу, торреро. Слѣдъ простылъ. Бѣда!
Я началъ поиски: туда, сюда,
въ таверны, къ рыбакамъ, въ притонъ къ мегерамъ.

Одинъ отвѣтъ: весной сбѣжала. Да!
Не то съ заѣзжимъ русскимъ офицеромъ,
не то съ другимъ такимъ-же кавалеромъ, —
въ Европу, въ Азію, невѣсть куда.

Ахъ, сударь, тутъ, уединясь въ сторонку,
я понялъ, что любовь и злость точь-въ-точь
одно... Вѣдь я любилъ, любилъ дѣвчонку,
а въ мысляхъ: вотъ схватить бы, истолочь,
да въ море вышвырнуть, какъ падаль, прочь!
И кулакомъ грозился я вдогонку.

Сергѣй Маковскій.

IX

Но время лечитъ все: рубцы отъ ранъ,
обиды сердца, медленное горе.
Мою любовь угомонило море,
развѣялъ вѣтеръ, усыпилъ туманъ.

Не скоро, а забылъ, для новыхъ странъ
и новыхъ встрѣчъ, о дняхъ въ Санъ-Сальвадорѣ.
Утѣшился. Сначала въ Балтиморѣ,
потомъ въ горахъ Невады у гитанъ.

Изъ порта въ портъ за грузомъ, безъ оглядки.
Сегодня Ріо, завтра Уругвай.
Въ Тай-пей чаи, въ Гюэ бананы сладки.
На Явѣ чуть не померъ: лихорадки.
Тонулъ въ тайфунъ, — ну, думаю, прощай!
Бывало невтерпежъ, случалось — рай.

X

Матросамъ, сударь, что? И небогаты,
да господа въ свой часъ. То здѣсь, то тамъ,
небось, научишься по кабакамъ
прогуливать залёжные дукаты.

Да, времячко! Жилось. Команда — хваты.
И сколько ихъ, красавицъ, льнуло къ намъ
всѣхъ званій и мастей: марсельскихъ дамъ,
фузанскихъ гейшъ, гречанокъ изъ Галаты...

У насъ, у моряковъ, особый даръ.
Хоть женщины охочи до обновокъ,
да любятъ насъ, будь только парень ловокъ,
безъ умысла: за молодость и жаръ,
за якоря и золотой загаръ
и голубую вязь татуировокъ.

XI

Прошло лѣтъ шесть... Нѣтъ, восемь. Изъ Босфора
спѣшили мы въ Калэ. Какъ вдругъ — Нордостъ.
Волна взбѣсилась, заливаетъ мостъ.
Тутъ я въ Лагосъ укрылся отъ простора.

На набережной — давка. Вдоль забора,
смотрю, афиши въ человѣчій ростъ.
Прочелъ: Театръ «Минерва»... Между звѣздъ
миссъ Нагарэль, звѣзда Санъ-Сальвадора...

Что было! Развѣ скажешь? Не рѣчистъ...
Заплакалъ, вѣрите-ль? Да къ чорту! Нервы.
Бросаюсь въ кассу. Рядъ? — Поближе, первый.
И ровно въ семь, за часъ, приглаженъ, чистъ,
разглядывалъ я занавѣсъ «Минервы»
и залъ пустой. А самъ дрожу, какъ листъ.

XII

Запомнился мнѣ вечеръ! Ни актрисы,
ни дѣйствія не видѣлъ я грѣхомъ.
Все — сцена, залъ — летѣло кувыркомъ,
душа — котелъ, а сердце съѣли крысы...

Въ антрактъ, собравшись съ духомъ, за кулисы.
Что? Узнаешь? — Сначала, нѣтъ. Потомъ:
Ахъ, ты? — спросила, — поминаешь зломъ?
И выпорхнула кланяться на бисы.

Я все сказалъ: клялась ты, Нагарэль.
Твой крестъ на мнѣ. Куда бы ни бросала
лиха̀ судьба — въ полярную метель,
въ водоворотъ тропическаго шквала, —
на всѣхъ путяхъ ты, маятная цѣль,
звѣздой небесъ передо мной мерцала!

XIII

Стучусь опять, а сердце — хоть умри.
Вонъ-на! У ней какой-то португалецъ.
Я замеръ. Ну, — смѣется, — мой скиталецъ,
коль хочешь, приходи сегодня... въ три,

мой адресъ — пять на площади Бари.
И протянула надушеный палецъ.
Какъ пьяный, вышелъ я, смѣшной страдалецъ:
приду ужо, да только отопри!

Лилъ дождь, и вѣтеръ гнулъ стволы бушуя,
когда, въ кромѣшной тьмѣ, я подходилъ
къ назначенному дому. У перилъ
я задержалъ шаги, бѣду почуя.
Прислушался: сквозь смѣхъ — звукъ поцѣлуя...
Ощупалъ ножъ и — въ двери. Отворилъ.

XIV

Тогда ее увидѣлъ... разодѣтой,
и на столѣ хрусталь, вино, цвѣты,
и тутъ-же — наглаго въ углу тахты
того синьора съ длинной сигаретой.

Мнѣ въ душу кровь ударила: Эй ты!
Я сшибъ его и волю далъ кастету.
Всего измялъ, расплющилъ, какъ галету,
и шлепнулъ внизъ съ балкона. Въ грязь, въ кусты.

Затѣмъ ужъ къ ней. Молись! — Хрипитъ отъ страху
проклятая. И вдругъ мою наваху
какъ выдернетъ, да мнѣ же въ щеку: на!
Боль чортова, но ненависть сильна.
Я бросился опять. Кровь... тишина.
Рука не дрогнула. Я не далъ маху.

XV

Такъ свой разсказъ, — мы были въ кабачкѣ
обугленнаго дымомъ Портъ-Саида, —
окончилъ шкиперъ, сумрачнаго вида
гигантъ съ багровымъ шрамомъ на щекѣ.

О, какъ близка была его обида
мнѣ, грѣшному! Въ его сѣдой тоскѣ
печаль о томъ, что скрылось вдалекѣ
вмигъ ожила... О, память-Немезида!

Я вспомнилъ: гавань, парусъ надъ волной,
дыханье неогляднаго простора
несетъ его. Все кануло. Такъ скоро!
Простила-ль ты, бѣжавшая весной,
ты, Нагарэль, похищенная мной?
Да — мной! Давно, тогда... изъ Сальвадора.

Прага, 1921.

КОСТЕЛЪ

(Вѣнокъ сонетовъ)

Вячеславу Иванову.

I

Молюсь изгнанникомъ въ дверяхъ костёла.
Здѣсь ближе Богъ и сердце горячѣй,
и мертвую латынь земныхъ рѣчей
животворитъ огонь Его глагола.

Въ прохладномъ сумракѣ на камни пола
изъ оконъ стрѣльчатыхъ — снопы лучей.
Распятье и ковчегъ, и семь свѣчей,
Мадонны ликъ надъ кружевомъ престола.

О, времени святая нищета!
Вѣка, вѣка молитвъ и клиры мертвыхъ,
всеискушенные жрецы Христа,
тѣнь инквизиціи на плитахъ стертыхъ,
хламиды королей, въ пыли простертыхъ...
Величій дымъ, и мудрость, и тщета.

II

Величій дымъ, и мудрость, и тщета.
Слѣпого Хроноса казнятъ обиды, —
въ пучинахъ дней ты, призракъ Атлантиды,
племенъ и царствъ исчезнувшихъ мечта!

Развалинъ прахъ могильный, нѣмота
пустынныхъ чаръ, сѣдыя пирамиды,
сады Немврода и Семирамиды,
песками занесенная мета...

Эллады сонъ, міродержавье Рима,
развѣнчанный Царьградъ, Россія... Мимо!
Все минется. За мигомъ мигъ — черта
скользящая надъ бездной нерушимой,
и любящихъ цѣлуетъ смерть въ уста.
На всёмъ, надъ всѣмъ нѣмая тѣнь креста.

III

На всёмъ, надъ всѣмъ нѣмая тѣнь креста.
И здѣсь погостъ: у самой двери храма,
касаясь плитами — такъ строго, прямо —
гробницы врядъ. И каждая плита,

прощальными словами заклята,
о вѣчности благовѣститъ упрямо.
А рядомъ черная зіяетъ яма,
въ обитель тьмы отверзтыя врата.

Кого-то ждутъ? И сердце укололa
тоска смертельная... Немного дней —
какъ знать? — и мнѣ, взалкавшему Престола,
и мнѣ сойти подъ своды сихъ камней...
Все позабыть! Но вспоминать страшнѣй.
Въ родной землѣ и холодно, и голо.

IV

Въ родной землѣ и холодно, и голо.
Скорблю во тьмѣ. И міръ зоветъ иной,
и жаль всего, всего, что было мной,
чего въ душѣ и смерть не поборола.

Послѣдній грѣхъ загробнаго раскола,
печаль послѣдняя любви земной,
и долгій путь невѣдомой страной,
излучинами призрачнаго дола!

Иль это бредъ? И тамъ, въ небытіи,
Харону я не заплачу обола,
и Стиксъ туманный не умчитъ ладьи,
и духъ развѣется струей Эола,
отдавъ землѣ земные сны свои?
Иль человѣкъ лишь прихоть произвола?

V

Иль человѣкъ лишь прихоть произвола?
Нѣтъ, Господи! Пылаетъ купина
неопалимая. Прочь, сатана, —
безсиленъ ядъ змѣинаго укола!

Въ слезахъ склоняюсь я на камни пола,
цѣлую лучъ, упавшій изъ окна.
Ахъ, вѣрю въ свѣтъ, Пречистая Жена,
отъ Твоего земного ореола...

Какъ дивенъ ликъ престольнаго холста,
и прозорливъ, и милостивъ бездонно,
какъ ласково-божественны уста!
Люблю Тебя колѣнопреклоненно,
въ Тебѣ одной люблю любовь, Мадонна,
и все, чему названье красота.

VI

И все, чему названье красота,
не отблескъ-ли отчизны неизвѣстной,
гдѣ музыкой и тишиной чудесной,
изъ края въ край долина залита,

и внемлетъ херувимамъ высота,
и ризами Невѣсты Неневѣстной
подъ скиніей безбрежности небесной
обвитъ алтарь воскресшаго Христа!

Но только мигъ... Погасло умиленье,
и слезы ужъ не тѣ. И ты — не та,
обитель слезъ и самоотреченья,
любви смиренной, бдѣній и поста, —
тысячелѣтнее столпотворенье,
невѣрія и вѣры слѣпота.

Сергѣй Маковскій.

VII

Невѣрія и вѣры слѣпота.
Монахи въ рубищахъ. Вѣнцы, тіары.
Надменный пурпуръ, мѣдные удары
колоколовъ, и Божья нагота.

Не ты-ли Римъ? Надежнѣе щита
не мыслилъ водрузить апостолъ ярый.
Флоренція, — о, мраморныя чары, —
и ты, венеціанская мечта!

Крылатый Маркъ, у пристани гондола.
Выходитъ дожъ, внимаетъ сбирру онъ,
литая цѣпь на бархатѣ камзола.
А въ храмѣ золотомъ ряды иконъ
мерцаютъ призрачно, уводятъ въ сонъ,
въ даль заповѣдную святого дола.

VIII

Въ даль заповѣдную святого дола
и въ красоту влюбленные творцы
не вы-ль воздвигли храмы и дворцы
надъ нищетой апостольской Престола?

Воистину, не вы-ли, божьи пчелы,
предъ Господомъ художества жрецы,
несли въ алтарь и кисти, и рѣзцы,
свершая трудъ великій и веселый?

Чертогъ разубранъ кружевомъ лѣпнымъ,
мозаикой, парчей тонкоузорной...
Но этотъ даръ угоденъ-ли соборный
Тебѣ, предъ Кѣмъ дары земные — дымъ?
Благословенъ-ли подвигъ рукотворный?
Что знаемъ, Господи! Въ вѣкахъ горимъ.

IX

Что знаемъ, Господи! Въ вѣкахъ горимъ,
въ вѣкахъ Твоихъ — надеждой и гордыней,
скорбимъ-ли о небесной благостынѣ,
иль вожделѣемъ къ дочерямъ земнымъ.

Что свято? Что соблазнъ? Неотвратимъ
двужалый взоръ Праматери-богини.
Кощунствуемъ, ревнуя о святынѣ,
молясь Тебѣ, кумиръ животворимъ.

Буонароттъ! Въ часовнѣ Ватикана —
языческій Олимпъ. Да-Винчи, магъ!
Креститель твой — женоподобный Вакхъ.
Растлѣнную Венеру Тиціана
манитъ херубъ... А тамъ Голгофы мракъ,
и кровью жертвенной точится рана.

X

И кровью жертвенной точится рана
за всѣхъ, за вся... И кровь любви — на насъ,
услышавшихъ о Сынѣ отчій гласъ
у береговъ песчаныхъ Іордана.

Духъ-голубь надъ купелью Іоанна,
судебъ земныхъ передразсвѣтный часъ.
Вѣка, вѣка... И день давно погасъ.
Забрезжится-ли вновь? Гряди, осанна!

И вдругъ органа громъ. Побѣдный гимнъ
гремитъ, растетъ, расторгнуть своды хочетъ.
Вотъ рухнули: пророчествомъ благимъ
труба архангела съ небесъ грохочетъ...
И голосъ: Pax vobiscum, — пробормочетъ.
Я чуда жду, заблудшій пилигримъ.

XI

Я чуда жду, заблудшій пилигримъ.
И древніе обряды литургіи,
все тѣ-же отъ временъ Александріи,
текутъ медлительно. И внемля имъ,

я вижу: холмъ и три креста надъ нимъ.
Уснули воины, у ногъ Мессіи
поникли неутѣшныя Маріи,
Іосифъ-фарисей и Никодимъ.

И слышу, вопль изъ далей Ханаана
воззвалъ къ Тому, Чье царство искони:
Илй! Илй Ламà савахфанй!
И страшно. Тмится солнце... Вспыхнувъ рдяно,
померкнули лампадные огни
въ туманахъ ладана, въ грозѣ органа.

XII

Въ туманахъ ладана, въ грозѣ органа
чредой плывутъ видѣнія временъ:
волхвы, цари, апостолы, Неронъ,
послѣдній жрецъ надъ урной Юліана.

Сбылось. Земля тіарой осіяна,
превыше царствъ Петра вознесся тронъ,
и рыцари спѣшатъ, за сонмомъ сонмъ,
на кликъ христолюбиваго тирана.

«Въ Іерусалимъ!» И рати слышатъ кликъ.
Вотъ ринулись на воиновъ Корана
и грабятъ Цареградъ Юстиніана.
Пиры неправедныхъ, законъ владыкъ,
и торгъ, и блудъ въ кумирняхъ базиликъ...
Сомкнулся кругъ священнаго обмана.

XIII

Сомкнулся кругъ священнаго обмана.
Ужъ не стою-ли посреди руинъ
восхищенной державы до вершинъ
и рухнувшей? Сомкнулся? Или рано?

Кто скажетъ? Тамъ — въ моленной, у фонтана
въ саду своемъ разросшемся, одинъ,
торжественной неволи властелинъ,
безмолствуетъ затворникъ Ватикана.

Осиротѣлъ Твой Домъ и сталъ чужимъ,
въ забвеніи — таинственнѣй и строже.
И кажется, Твои глаголы, Боже,
изъ устъ священника не къ намъ, живымъ,
но мертвые въ гробахъ не слышатъ тоже...
Заплаканный Христосъ... Державный Римъ!

XIV

Заплаканный Христосъ... Державный Римъ!
Скрижали битвъ и шелестъ голубиный,
боголюбви гласящія глубины,
ѕломудріе богоотступныхъ схимъ!

Враги, народы — вихремъ грозовымъ:
норманъ и мавръ, монгольскія лавины,
еретики, гусситы, гибелины,
всѣ, попранные скипетромъ твоимъ.

Бредъ шабашей и огненный Лойола,
судъ милости — костры средь площадей,
и въ пламени костра Савонарола...
Все сгинуло. Все сгинетъ. Казни сей
что̀ избѣжитъ? О, Матерь всѣхъ скорбей,
молюсь изгнанникомъ въ дверяхъ костёла.

XV

Молюсь изгнанникомъ въ дверяхъ костёла.
Величій дымъ, и мудрость, и тщета.
На всёмъ, надъ всѣмъ нѣмая тѣнь креста.
Въ родной землѣ и холодно, и голо.

Иль человѣкъ лишь прихоть произвола,
и все, чему названье красота, —
невѣрія и вѣры слѣпота
въ даль заповѣдную святого дола?

Что знаемъ, Господи! Въ вѣкахъ горимъ
и кровью жертвенной точится рана.
Я чуда жду, заблудшій пилигримъ.
Въ туманахъ ладана, въ грозѣ органа
сомкнулся кругъ священнаго обмана.
Заплаканный Христосъ... Державный Римъ!

Прага—Парижъ.
1922—1926.

ОГЛАВЛЕНІЕ

	стр.
Возлюбленная тишина	5
Ars poetica.	
I. Когда въ тебя толпой ворвутся	7
II. Сначала, невѣсть откуда	8
III. Принять, какъ схимы чинъ, удѣлъ печали	10
Полдень. Пылаетъ небо надъ пустыней	11
Уходятъ года, невольно	13
Я пришелъ къ водораздѣлу	14
Вечеръ. Все слёзы къ старости, да сны воспоминанья	15
Мою любовь, земное бремя	16
Зовъ. Не о своей судьбѣ немилой	17
Стонетъ ночь, куда-то манитъ	19
Соборъ. Кочуя по сводчатымъ хорамъ	20
Сонъ. Въ горахъ скалистыхъ, по землѣ	21
Дремлютъ древнія развалины	22
Отраженія. О, міръ двоящійся, волшебство отраженій	23
Капитель. Какъ тѣло у дѣвушки розовъ	24
Lacrimae rerum. Покинутъ старый домъ, забытъ	25
Югъ. Іюлемъ раскаленный югъ	28
Біотъ. Спитъ городокъ на холмикѣ крутомъ	29
Струя въ водоёмѣ. Я въ землѣ родилась	30
Все въ мірѣ вѣчно и связано	32
Стѣна. Въ окнѣ моемъ неровная стѣна	33
Нищій. Въ городскомъ саду за рѣкой	34
Шарманка. На темный перронъ полустанка	36
Пѣвица. Въ четвергъ подъ мое окно	37

Луна. На сосѣднюю крышу 38
Сказка. Умчи меня, мой демонъ, въ ту страну 40
Венеція.
I. Лѣнивый плескъ, серебряная тишь 42
II. Всю ночь — о, бредъ! — въ серебролунныхъ залахъ 43
Лунный водоёмъ.
I. Огонь потухъ, и пусть — оставь заботу 44
II. Сіяла ночь, тонулъ увядшій садъ 45
III. Я наклонилъ лицо надъ водоёмомъ 46
Призраки. Бойся призраковъ — не тѣхъ, не тѣхъ 47
Отчій домъ. Я вернулся въ отчій домъ 49
Тѣнь. Ты приходишь усталой тѣнью 50
Ликъ. Что говоришь, таинственный, о чемъ 52
Кума. Какъ быть съ тобой, убогая кликуша 53
Колыбельная. Спи, сынокъ, земля заснула . . 54
Рождество. Звѣзда надъ стогнами 56
Восьмистишія.
1. Слова, слова... Но ни одно 58
2. Въ часы наитія не думай 59
3. Только небо узрятъ очи 60
4. Когда проходитъ жизнь, когда прошла 61
5. Опять на солнечной вершинѣ 62
6. Солнце, солнце, звоны тишины 63
7. Любовь, балуя напослѣдокъ 64
Скеле. Былъ пасмурный Февраль. Всходила чуть трава 65
Годъ въ усадьбѣ.
Посвященіе. Я не жилъ тамъ, жила моя мечта 73
Іюнь. Слѣпительно пригожъ іюньскій день 74
Іюль. Туманно озеро, и тянутъ утки 75
Августъ. Спадаетъ зной, хоть и слѣпятъ лучи 76

С е н т я б р ь. Ужъ первой ржавчины предательскія пятна 77
О к т я б р ь. Осиротѣлъ бассейнъ. Давно-ли дружно 78
Н о я б р ь. Пошелъ снѣжокъ, запорошило путь 79
Д е к а б р ь. Сегодня Рождество, сегодня ёлка 80
Я н в а р ь. Бѣлô-бѣлô, все снѣгомъ замело 81
Ф е в р а л ь. Взметаетъ, громоздитъ, взъерошиваетъ снѣгъ 82
М а р т ъ. На мартовскомъ снѣгу — еще хрустящій настъ 83
А п р ѣ л ь. Набухли почки вербъ и перелѣски .. 84
М а й. Я былъ на кладбищѣ. И тамъ весна 85
П о с л ѣ с л о в і е. Все призрачно въ туманной дали дней 86
Н а г а р э л ь.
I — XV (Нѣтъ, больше, сударь! Шестьдесятъ четыре) 89-103
К о с т ё л ъ (Вѣнокъ сонетовъ).
I — XV (Молюсь изгнанникомъ въ дверяхъ костёла) 107-121

Окончена печатаніемъ
10 іюля 1941 г.
въ Парижѣ.

Imprimerie de NAVARRE,
11, rue des Cordelières, Paris 13e.